

Фестиваль со слезой

Дело прошлое, поделюсь собственным интимом. Как-то раз, в такое же теплое лето, как нынешнее, я коротала ночь с писанным красавцем - копией Бруно Оя из «Никто не хотел умирать», только в тысячу раз лучше. Красавец перешел на последний курс Театрального, его уже рвали на части киностудии и невесты, и то, что в двенадцать ночи мы сидели вдвоем в комаровской беседке, было чудом, цепью счастливых случайностей. То ли он приехал к кому-то на дачу и не застал, то ли с кем-то разругался, то ли еще что - была.

Но помню, помню гордый восторг, охвативший все мое существо, когда красавец положил мне ладонь на спину, защищая от бриза. А потом поинтересовался: «Сколько тебе лет?» - «Шестнадцать», - ответила я. - Будет в октябре». Красавец ладонь убрал и надолго ушел в себя. Пытаясь вернуть недавнюю близость, я задала вопрос, который в те времена мог расшевелить дебила: «А кто твой любимый поэт?» - «Евтушенко», - буркнул он, зевая. Евтушенко был и моим любимым поэтом, но, чтобы заинтересовать красавца, пришлось предать любовь. «Да ну...» - протянула я. И повторила фразу, услышанную на днях в споре взрослых: - Евтушенко больше гражданин, чем лирик. Это Некрасов на современный лад».

Красавец захлопнул рот недозевав. А потом открыл его снова, чтобы закричать во всю мощь тренированной актерской глотки: «Евтушенко - не лирик?»

Когда уgomонились соседи и собаки, разбуженные его воплями, он зашептал, зашипел: «Молю тебя - в тишайшей тишине, или под дождь, шумящий в вышине, или под снег, мерцающий в окне... Это, по-твоему, не лирика, не стихи?! А это...»

Видимо, он сдавал евтушенковский цикл на зачете по речи, потому что до утра шпарил наизусть из «Яблока», «Нежности», «Взмаха руки». И это был

такой же восторг, как от ладони на спине. Если не круче.

...Где мои пятнадцать лет? Где тот красавец? Зато Евгений Александрович Евтушенко по-прежнему приводит меня в восторг. 18 июля, в свой 68-й день рождения, он - загорелый, стройный, ни живота, ни лысины - закатил творческий вечер (народу - как всегда, битком). А 22-го, сгноив коллег по цеху, отправился в Сибирь (на станцию Зима, разумеется, потом в Иркутск, Братск, Ангарск) с поэтическим фестивалем.

- Это не просто фестиваль, а первый за всю историю Сибири международный фестиваль поэзии. С нами ездили гости из Штатов, Франции, для которых раньше эта территория была закрыта. По разным причинам: скажем, в Ангарск или на Братскую ГЭС иностранцев не пускали из соображений секретности, куда-то еще - стесняясь бедности. У нас почему-то так заведено: с бедностью не борются - ее стыдятся. Хотя, по моим наблюдениям, именно бедные люди, как правило, наделены широтой, щедростью, готовностью отдать последнюю рубашку...

- Или зазвать к себе поэтов, едва переведя дух после наводнения. До вашей «тихой станции Зима» оно докатилось?

- В Зиме пострадало семьсот домов. Но мне постоянно оттуда звонили: «Мы ничего не отменяем! Одно наводнение победили, теперь обещаем другое - соберется море народу».

- Сколько вы там не были?

- Четыре года, и это редчайший случай. Обычно я туда выбирался каждый год, хотя преподаю в Америке. А здесь вышла вот какая история. Когда иркутские писатели раскололись на две организации, духовным лидером одной из них стал Валентин Распутин. Я любил и люблю его прозу, особенно раннюю - «Деньги для Марии», «Последний срок», с удовольствием писал предисловие для «Живи и помни». Распутин - глубоко порядочный, независимый человек. Когда мы оказались в Кельне с писательской делегацией, он был единственный, кто пошел со мной к диссиденту Льву Копелеву. По-моему, нас связывала дружба, иначе не назовешь. Помню, я попал в очередную опалу, а Распутин, к которому бонзы вдруг подошли, меня защитил - написал предисловие к моему роману «Ягодные места». Без его рекомендации роман ни за что бы не прошел цензуру.

Не знаю, не понимаю, что с ним случилось. Может, это время, годы производят такие сильные изменения... Ну зачем ему понадобилось лезть в раскольничьи писательские дрязги? Зачем подписал позорное «Слово к народу», вышедшее накануне путча? Я сожалел, наблюдая эти непонятные поступки, но нигде - ни в печати, ни устно - его не трогал. И вдруг он публикует статью, в которой моя фамилия набрана с маленькой буквы, во множественном числе.

Не скрою, меня здорово задело. Потому что это не чужой, не посторонний, а Распутин - нас столько всего связывало! Потому что среди книг,

которые у меня всегда под рукой, - его сборник с дарственной надписью: «Дорогому Евгению Александровичу Евтушенко с огромной благодарностью за Евгения Александровича Евтушенко, который столько открыл, помог познакомиться мне и Саше Вампилову с Платоновым». (Я давал им читать «Чевенгур», «Котлован».)

Как бы горько мне ни было, я - повторяю - любил его и люблю, потому не захотел лезть в междоусобицу. Но попади я в Иркутск, расспросы что да как неизбежны. И я перестал туда ездить.

- Почему же теперь поехали?

- Во-первых - куда я денусь? А вторых, два года назад у моей сестры случилось несчастье с дочерью, и она уехала со станции Зима, заколотив окна крест-накрест. Заколотенные окна подали сигнал: в доме никого, дом покинут. Естественно, нашлись люди, которые начали его потихоньку растаскивать - по бревнышку, по досочке. Растащили наполовину.

Когда зиминцы это обнаружили, они пришли в ужас. Ломали головы - как мне сообщить? Я через третьи руки узнал, что дом моего детства идет на растопку.

Написал стихи «Дрова», которые напечатала «Комсомолка». Прочитал стихи на «Маяке», запись крутили несколько раз, ее услышала Сибирь. Это задело всех. Пошли звонки, письма в газеты, началась мощная кампания за спасение дома. В результате решили - дом надо восстановить и сделать в нем Музей поэзии. Как ни странно, все получилось, причем на местные средства: какие-то деньги дала Зима, что-то подкинула краевая администрация, управление культуры. Само собой, открытие Музея поэзии совпало с фестивалем. Я хотел, мечтал, да просто не мог туда не поехать!

- И что? Неужели перспектива послушать стихи воодушевила кого-то еще, кроме организаторов?

- Честно говоря, поначалу, когда дело только-только затевалось, я тоже был настроен скептически. Ведь с 93-го года, после нашей мини-гражданской войны, рухнули все организации, которые занимались устройством концертов, поэтических вечеров. Я пытался сопротивляться, мотался по Сибири, но там стало очень тяжело. Помню, в Ангарске Спиваков еле-еле продал билеты на четверть зала. Зато Шуфутинский и, как его, Токарев срывали аншлаги.

А в последнее время что-то начало меняться: в глубинке, в Перми, на Урале народ потянулся к искусству, к серьезной поэзии. Но самое главное (я это заметил 18-го, на своем творческом вечере) - аудитория помолодела!

- Ой ли! С чего ей молодеть, Евгений Александрович?

- Совершенно точно: уже есть люди - шестнадцати лет, двадцати лет, для которых Земфира не может стать идолом. Тем более - Киркоров. (Я ничего против него не имею, он трудяга и, наверное, отлично знает свое дело - речь только о текстах. Кстати, я видел, в Минске, когда его встречали поклонники, он очень хорошо и красиво себя повел. Миллионеры сцепились с кем-

то из встречавших, и Киркоров тут же прыгнул в драку, ему тоже досталось.)

Конечно, это трудно, невероятно трудно - когда большинство людей трясется от «ля-ля - тополя, эх, хвост-чешуя», перейти к Мандельштаму, Пастернаку, даже относительно доступному Евгению Евтушенко. Но это происходит везде, и вот почему. Пять лет назад, на похоронах Окуджавы, было много детей, подростков десяти-пятнадцати лет. Их привели бабушки-шестидесятницы. Теперь дети, воспитанные своими бабушками, выросли - им интересно на поэтических вечерах.

- В Сибири было то же самое?

- Сибирь превзошла мои ожидания. Обычно такие концерты длятся два часа, ну два с половиной. А тут, где бы мы ни выступали, нас не отпускали по три с половиной часа. Скандировали американцу - чемпиону по состязаниям в поэзии, устроили овацию французам, которые импрвизировали дуэтом... Я когда-то писал: «Границы мне мешают», но и представить не мог, что это случится на самом деле: станция Зима будет, не дыша, слушать выступления американского, французского, никарагуанского поэтов... Я склонен к восторженности, так что описывать мою радость нет смысла. Но видели бы вы, какое счастливое выражение лица было у Саши Кушнера, как потрясало его принимали! Даже те зрители, которые впервые попали на подобный концерт, вдруг поняли: оказывается, поэзия - это не скучно. Она трогает струны - гражданские, интимные. Может вызывать комок в горле. Да у нас самих стояли слезы на глазах от такой публики! И расставались мы тоже со слезами - жалко было, что фестиваль закончился.

- Как я понимаю, и наш разговор идет к финалу. Позвольте напоследок один-единственный девичий вопрос. Я недавно листала вашу книжку, выпущенную в 93-м году, и будто попала в машину времени. Снова накатала дурь, блажь, тот же самый комок в горле. Но в стихотворении «Машина» не оказалось строк, которые есть во всех сборниках 60-х - и в «Нежности», и во «Взмахе руки»:

...И на сыром песке у старой лодки
Целую все призывной и властной
Все то, что руки Машины, - от локтя
До розоватых лепестков ногтей...

Почему вы убрали эти строки, Евгений Александрович?

- Почему? Потому что эти стихи посвящены пятнадцатилетней девочке, в которую я влюбился в Коктебеле. Между нами ничего не было, просто один раз поцеловались в губы. И слова «призывной, властной» совершенно не соответствовали характеру наших отношений. Они, скорее, задевали ее честь.

- Но вы - обласканный славой, женщинами, всем, чем хочешь, точно были влюблены в ту девочку?

- Ужасно влюблен.

Вот так. «Мы все в это время любили, а значит, любили и нас», как заметил другой поэт. Ах, если бы знать!.. Тоже из классики.

Елена ЕВГРАФОВА

ПОСЛЕ ДОЖДИЧКА